

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ

Социализм и социология¹

Автор статьи ставил своей задачей² составить общее представление о социализме и сопоставить полученный результат с наработками компаративной социологии в этой области.

Говоря о социализме, Гастон Ришар³ больше опирается на выдающиеся труды классиков социалистической мысли, чем на программы политических партий или решения, принятые на съездах рабочих. С его точки зрения, сводить социализм к более или менее пространному списку требований со стороны рабочих или реформам, направленным на установление справедливости в обществе, — значит, умалять его значение. Если рассматривать социалистическую доктрину лишь в этом ключе, оппонентам нетрудно почувствовать собственную правоту; поскольку легче легкого критиковать социализм за то, что предложенные им методы лечения социальных язв либо неприменимы в реальности, либо не дают тех результатов, которые от них ожидают. Отвлеченная и малопонятная формула социализма, как полагают, слишком далеко отстоит от реальности для того, чтобы она могла мгновенно и без сопротивления покорить эту реальность. Однако то, что в отдельных случаях законы химии не срабатывают, не означает, что они не могут применяться; точно также, если проведение в жизнь положений социалистических теорий затруднено или не достигает поставленной цели, мы не имеем права заключать, что эти теории ошибочны. Социализм есть, прежде всего, определенный способ понимания и объяснения социальных фактов прошлого и будущего. Это учение, таким образом,

¹ Émile Durkheim, "Socialisme et science sociale," dans *Revue philosophique*, (1897), XLIV. P. 200–205. (Научная редакция перевода Александра Павлова).

² Критический разбор сочинения Гастона Ришара «Социализм и социология»: Gaston Richard, "Socialisme et science sociale," (Alcan, 1897).

³ Гастон Ришар (1860–1945) — французский ученый, специализировавшийся в области истории идей. Основные труды: «Очерк о происхождении идеи права», «Социализм и социология», «Идея эволюции в природе и истории» и др. — *Прим. ред.*

должно быть рассмотрено само по себе, без учета тех практических результатов, к которым оно может привести.

Социализм в подобной трактовке, несмотря на многообразие его исторических форм, представляет собой единое учение. Как бы сильно ни различались одежды, в которые он время от времени облакался, существует, по меньшей мере, одно положение, которое разделяют все философские школы. Оно гласит, что новое общество, в котором капитал не будет больше двигателем экономической жизни, а ценности не будут определяться конкуренцией, должно обязательно родиться в недрах современного общества. Ришар пишет об этом следующим образом: «Социализм есть представление о том, что общество без конкуренции наступит благодаря такой организации производства, в которой не будет капиталистических предприятий, и такой системе распределения, при которой продолжительность рабочего дня будет единственным критерием стоимости (С. 79)». Это, как нам кажется, сводит социализм к коллективизму, практически к марксизму. Вообще говоря, единственные представители социалистической мысли, к которым обращается автор, — это Маркс, Энгельс и Прудон. Ришар исключил из числа социалистов Сен-Симона, Фурье, аграрных и христианских социалистов.

В отдельных случаях это обоснованно, в других — совершенно неоправданно. Если у христианского аскетизма нет ничего общего с социализмом, то в равной степени ничего общего с социализмом нет и у сенсимонизма. Тогда как, на наш взгляд, именно в философии Сен-Симона выражена суть социалистической доктрины. Впрочем, автор имеет право определять объект своих исследований и его границы по своему усмотрению. Как бы то ни было, трактовка социализма, данная Ришаром, порождает дискуссию по двум фундаментальным вопросам, один из которых касается прошлого, а другой обращен в будущее. В основе этой трактовки — определенные теоретические представления относительно способа накопления капитала и направления эволюции общества. О чем идет речь?

Согласно Марксу, капиталистический способ производства — это трансформированная феодальная система, а наемный труд — новая, более тяжелая форма рабства. Прежде раб работал на своего господина всю неделю; сегодня наемный служащий трудится на работодателя лишь в рабочее время. Но это только менее явная эксплуатация. Внешне заработок наемного служащего соответствует выполненной работе; в действительности он получает лишь долю того, что ему причитается. Остальное — прибыль работодателя.

По мнению Ришара, Маркс ошибся в двух моментах. Во-первых, неверно, что наемный труд уходит корнями в рабство. Бывший раб превратился не в пролетария, а в мелкого фермера или мелкого собственника. Предшественником современного рабочего является средневековый подмастерье. Предшественником капиталистического предприятия стал цех, в свою очередь, возникший из домашней мастерской. Всякого рода парал-

лели между феноменами прибавочного труда и барщины лишены объективного основания. Во-вторых, эта эволюция, совершенно не ухудшив положения наемных служащих, «соответствовала реальному росту личной свободы» (С. 95). Цех — это система наследственной монополии, находящаяся под контролем властей. Хозяин мастерской удерживает подмастерьев под своей властью подобно тому, как он сам находится под властью государства. Формирование капитализма идет одновременно с формированием индивидуализма. Индивидуализм является средством, с помощью которого человек освобождается от гнета общества и отношений родства. Конечно, Маркс прибегал к этим историческим выкладкам лишь для того, чтобы укрепить фундамент своей теоретической системы — теорию стоимости. Но эта теория содержит противоречие. Стоимость не может, как предполагал Маркс, зависеть только от продолжительности рабочего дня, без учета производительности труда. Если же пытаться оценить производительность труда исходя из продолжительности рабочего дня, тогда необходимо учитывать сложность выполняемой работы. Но сложность выполняемой работы может повысить вознаграждение рабочих лишь при условии ужесточения конкуренции. Таким образом, если мы возвращаемся к конкуренции, что остается в таком случае от этой теории? Ришар доходит даже до обвинения теории прибавочной стоимости в том, что она приводит к отрицанию накопления. В самом деле, не тождественны ли накопление и капитализация, то есть использование полученного дохода не в целях потребления, а в целях развития средств производства, то есть использование их в новой производственной цепочке?

И здесь автор переходит ко второму вопросу. Каковы бы ни были истоки капиталистического строя, имеются ли основания считать, что он необходимо должен «породить» новое общество, в котором капитал не будет больше основой экономики?

Согласно Марксу, это непреложный закон истории: капитал концентрируется в руках все более и более ограниченного числа людей; откуда в конце концов он должен перейти в руки всего общества. Но в действительности этот так называемый исторический закон был выведен в ходе наблюдения за единичным примером. История постепенного накопления капитала — это, прежде всего и по собственному признанию Маркса, история экономического развития Англии. Трудно представить себе более узкий пример, особенно по сравнению с предельной обобщенностью выведенного закона. Нельзя прочесть будущее Европы в прошлом Англии. Вся философия истории Маркса, впрочем, заражена спорами экономического материализма, лишенного какой-либо научной ценности. Не экономика определяет все остальные институты общества. Доказательство тому — то, что перуанские инки, как и ирокезы, имели общее имущество, и, однако, общественный строй двух этих племен различался кардинально. Нельзя также переоценивать функции питания и воспроизводства. Не они, а взаимоотношения между людьми, то есть представительские функции являются главными факторами человеческого развития.

Но рассмотрим закон накопления капитала как таковой. Если действительно происходит усиление концентрации капитала в руках небольшой группы лиц, то параллельно должен идти процесс сокращения доходности капитала. Поскольку, согласно теории, трудящиеся не могут получить всю прибыль, которую приносит их труд, излишек забирают себе сами капиталисты. Значит, каналы сбыта сокращаются по мере того, как уменьшается число обладателей национального богатства. К тому же это накопление возможно только благодаря принудительной силе, которая заставляет рабочего трудиться все больше и больше. Но где виден хоть малейший след этого принуждения? Не является ли собой история процесс все большего освобождения личности? И статистика подтверждает выводы истории. Число собственников постоянно увеличивается.

Но исторические построения социализма опираются не только на экономический, но и на политический аспект существования человеческого общества. Современное состояние общества является, с точки зрения социалистов, результатом разделения его на враждебные по отношению друг к другу классы. Это разделение обязано своим появлением современной организации товарного производства: одно не может исчезнуть без другого. Но в то же время товарное производство тесно связано с разделением общественного труда. Социализм, если он верен себе, должен в таком случае прийти к заключению, что и разделение труда должно исчезнуть; это равносильно бунту против истории. Впрочем, на самом деле, закон, говорящий, что классовое сознание появляется с развитием капитализма, довольно спорен; его действие ослабляется по мере того, как частное предприятие становится единицей экономической жизни. Развитие буржуазии происходит одновременно с развитием науки и свободы совести. Все говорит в пользу того, что общества развиваются совсем не в том направлении, на которое указывают социалисты. Конечно, необходимо, чтобы конкуренция ослаблялась, необходима правовая регламентация трудовых договоров, которая бы запрещала очевидные злоупотребления и несправедливость. Необходима защита слабых, особенно женщин и детей. Но для того чтобы решить эти задачи, необязательно потрясать основы нынешнего экономического строя; напротив, разрушение капитализма, если оно произойдет, сделает решение этих задач невозможным.

Таковы главные критические замечания Ришара в адрес социалистов. Как бы мы ни относились к его анализу, нельзя не признать за Ришаром одной заслуги: им всегда владело страстное желание внести в этот жаркий спор нотку научного спокойствия и беспристрастности. В свете этого довольно неожиданно звучат иногда резкие нападки с его стороны на ярких мыслителей-социалистов. Социализм, на наш взгляд, лучше воспринимать по-другому: участвуя в полемике, относиться с должным уважением к этой системе идей, сыгравшей

важную роль в истории человеческого разума. Более того, как сторонники, так и оппоненты социализма заинтересованы в том, чтобы полемика по этому вопросу не прекращалась, велась спокойно и без взаимной враждебности, вошедшей сегодня в правило и лишаящей дискуссию всякой научности. По крайней мере, это был бы первый голубь мира. Это та услуга, которую наука уже сегодня может оказать практике.

Существует, впрочем, нечто новое в точке зрения, которой придерживается Ришар, и об этом важно не забывать. В противоположность привычным, неаргументированным утверждениям о невозможности реализации социалистических идей на практике, он приводит только научные доводы. И это большой плюс его работы, ведь что может быть бесполезней жарких и страстных споров?

Нам легче рассуждать о будущем, именно потому (и мы это со временем понимаем), что оно не задается вопросом о том, что хорошо, а что плохо, а лишь о том, может ли оно воплотиться в жизнь. Нет реформы, которую бы не обсуждали перед ее проведением и которую называли бы неосуществимой, и, хотя философы и государственные деятели по опыту знают об обманчивости этого метода как наиболее легкого и доступного каждому, именно к нему прибегают наиболее охотно. Но если не хотят загубить дело, необходимо обратиться не к будущему, а к прошлому; хотя бы потому, что это — уже данность, это пространство для объективного анализа и, следовательно, для понимания.

В сочинении Ришара есть также множество интересных и находчивых замечаний, обнаруживающих незаурядный ум и логическое мышление автора — достоинства, которые становятся видны уже при чтении его «Очерка о происхождении идеи права». Верно замечено, что порой аргументация Ришара носит немного формальный характер. Возможно, он просто не стал делать вид, что по отношению к социализму имеется лишь одна-единственная позиция, приличествующая социологу. Относительно социализма рассматриваемая в качестве теории социальных фактов социология может сделать лишь следующее: она должна, если не хочет противоречить самой себе, отказаться видеть в социализме научную затею; если в чем-то она и должна признавать претензии социализма на научность, так это в выдвинутых им фундаментальных положениях. Имеется в виду описание и анализ общественного устройства в целом в прошлом, настоящем и будущем. Это тем более важно, что столь масштабный проект не может быть осуществлен лишь на базе науки. Наука в настоящее время может формулировать лишь отдельные законы, ограниченные и мало связанные между собой; как следствие, она с большой осторожностью относится ко всему, что касается практики. Для того чтобы, как это делают социалисты, выносить столь категоричные суждения относительно совокупности имеющихся социальных

институтов, нужно чуть больше знать о том, что представляют собой эти институты, каковы причины их появления, на какие запросы они отвечают, как они связаны между собой. Но для этого годятся все виды и методы исследований, что начинают осознавать только сейчас. Строго говоря, социализм не может быть научным. Он может лишь использовать некоторые данные науки, неполные и фрагментарные, поскольку он не преследует сугубо научные цели, постольку он выходит за рамки науки. К примеру, какое множество наблюдений, статистических, исторических и этнографических сравнений содержится в одном небольшом пассаже «Капитала»! А ведь Маркс, как и большинство социалистов, не проводил специальных исследований. Это не означает, что «Капитал» не содержит ярких философских рассуждений. Но не нужно путать красивые и интересные интуиции автора с выведенными и последовательно доказанными законами. Сочинение ученого и сочинение философа — не одно и то же. Вот почему из всех критических замечаний Ришара в адрес Маркса наиболее весомым нам кажется то, которое подчеркивает разницу между фундаментальными положениями теории и отдельными наблюдениями, лежащими в ее основе.

Но, на наш взгляд, из этого совершенно не следует, что социология должна рассматривать социализм как нечто малозначительное или вовсе оставить его без внимания. И хотя социализм не является научной теорией, изучающей социальные факты, он сам по себе есть очень важный социальный факт, который социологи должны стремиться понять. Как бы ни относились к этому течению мысли, оно существует и не появилось само по себе; оно — показатель состояния общества. Безусловно, неточный показатель. Мало расспросить больного, что у него болит, для того чтобы понять причины болезни, поставить диагноз и выписать рецепт с лекарством. Социализм же, прежде всего, есть способ, при помощи которого те слои общества, которые больше всего страдают от несправедливости в обществе, выражают свои чаяния. Он, по крайней мере, говорит вслух о существовании в обществе болезни и, пусть его речь сумбурна, он может помочь понять их происхождение. В этом отношении его польза огромна, и не так важно, насколько научны его формулировки. Они в данном случае условны. Надлежит отбросить все абстрактные рассуждения, для того чтобы достичь глубокого понимания реальности. До тех пор, пока это не станет нормой, какие бы замысловатые аргументы мы ни придумывали, они всегда будут немного искусственными и надуманными; поскольку они оторваны от реальности и руководствуются внешними представлениями о ней. Подобный объективный анализ является единственным практически полезным, ибо, отвергая доводы, которые приводит социализм в подтверждение своих положений, ученые перестают понимать новые явления, существующие в мире уже на протяжении века, на которые дает ответ

именно социалистическая доктрина. Не правда ли, это очень важно? Конечно, у политиков и партийных деятелей на любой вопрос всегда готов ответ. Но эти готовые решения, если они не учитывают наработок социализма, не представляют большой ценности. Для того чтобы понять, что такое социализм, мало изучать наследие социалистов и их оппонентов. Нужно проводить научно-исследовательскую работу, в которой не будет места туманным догадкам, легковесным и пристрастным суждениям.

Перевод с французского Анастасии Ермолиной